

М. В. МАСАЕВ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В РУССКОЙ АРМИИ (1827-1874): ОТ СФОРМИРОВАНИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЭСКАДРОНА ДО ВВЕДЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Период военной службы крымских татар под знаменами русской армии (1827-1874) характеризуется крайне большой насыщенностью исторических событий, происшедших в указанный отрезок времени. Значение его огромно, ибо данный период завершается событием, которое означало принципиально инновационный период в военной службе крымских татар в русской армии, - введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

До сих пор не появилось отдельной работы по вышеозначенному периоду военной службы крымских татар под знаменами русской армии. Актуальность данной работы не вызывает сомнения, поскольку исследования историко-краеведческого направления обретают всё большую значимость. Тем более, что необходимость возрождения исторической памяти крымскотатарского народа требует подобных исследований.

В данной статье предпринимается попытка изучения важнейшего эпизода крымскотатарской военной истории. При этом вводится в научный оборот пласт архивных материалов, которые будут интересны исследователям. Особое место принадлежит материалам Государственного архива при Совете Министров Автономной Республики Крым (ГААРК), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Одесской области (ГАОО).

В соответствии с предложенной в одной из работ периодизацией военной службы крымских татар в русской армии [1, с. 285-287], вышеуказанный период включает в себя второй этап службы. Он охватывает историю лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона (1827-1863). Служба крымских татар в гвардии продолжалась в сокращенного состава команде лейб-гвардии крымских татар “Собственного Его Величества” конвоя до 1890 года. Но введение всеобщей воинской повинности представляется более важной вехой в периодизации службы крымских татар в вооруженных силах России. [1, с. 286]. В данной работе речь пойдёт о формировании и истории лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, а также о команде крымских татар “Собственного Его Величества” конвоя, будут сделаны выводы по соответствующему периоду истории военной службы крымских татар.

1. Формирование лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона.

В 1817 году были расформированы крымские коннотатарские полки, прошедшие с честью и славой свой боевой путь в составе победоносной русской армии в период наполеоновских войн [2, с. 154-159]. После этого в течение 10 лет крымскотатарских воинских формирований в составе русской армии не было.

Однако необходимость дальнейшей интеграции крымских татар в единое устойчивое общество Российской империи требовала дальнейшего вовлечения крымских татар в дело защиты единого Отечества, ибо военно-исторический аспект интеграции любого этноса в новое общество является чрезвычайно важным.

В этом контексте встал вопрос о создании новых крымскотатарских воинских формирований, поскольку крымские татары были освобождены от воинской повинности и привлечение их к делу защиты России было возможно лишь в рамках формирования национальных крымскотатарских частей (на добровольной основе).

Очередным воинским формированием крымских татар в русской армии стал лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон (1827-1863 гг.).

Идея создания лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона принадлежала первому боевому генералу из крымских татар, герою Отечественной войны 1812 года и заграничных освободительных походов русской армии, Кая бей князю Балатукову (Болатукову) [3, с. 20].

Тем самым Кая бей обеспечил преемственность в истории крымскотатарских воинских формирований в русской армии, что имело колоссальное значение в будущем [3, с. 20-21].

Вот что заметил по этому поводу первый историк военной службы крымских татар под русскими знаменами И. М. Муфтизаде: “Со дня расформирования полков у первого боевого генерала из крымских татар Кая бей Балатукова зародилась мысль, как бы оградить навсегда крымцев от могущей пасть на них когда-нибудь рекрутской повинности, для чего и возбудил он ходатайство об утверждении постоянной гвардейской части из татар Крыма...” [4, с. 14].

Кая бей Балатуков приложил громадные усилия, все свои связи и влияние, личную дружбу с российским императором Александром I ради положительного решения вопроса о создании лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона [3, с. 21].

Вопрос о гвардейском эскадроне из татар Крыма был решен окончательно. Впрочем, внезапная смерть императора России вызвала некоторую заминку. Поэтому лишь в 1826 году состоялся “Высочайший приказ” о формировании лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона. В нём, в частности, по утвержденному штату состояло: 1 полковник, 9 обер-офицеров, 24 унтер-офицера, 4 трубача и 192 рядовых. Эскадрон был разделен на три части (две находились постоянно на службе в Петербурге). Срок службы нижним чинам был назначен 15-летний (из них 9 лет “на службе”, а 6 – “на льготе”). Всё содержание во время сбора, снаряжение людей на службе одеждой и лошадьми были отнесены на счёт крымскотатарского общества, вследствие чего всё татарское население Крыма облагалось налогом по 17 коп. с человека в год. Содержание во время пути на службу и в Петербурге производилось за счёт государственной казны Российской империи. От казны получали следующее денежное содержание: унтер-офицеры по 54 рубля, рядовые по 37 рублей серебром в год (что по тем масштабам цен было весьма неплохо и

забота о рядовых крымскотатарских частей со стороны русской администрации была налицо – М. М.), а офицеры – “по общегвардейскому кавалерийскому окладу”.

Таким образом, мысль генерала Балатукова осуществилась. В это же время он, удостоившись “Высочайшей грамоты” с пожалованием ему знаков ордена св. Анны I степени, со свойственной ему энергией принялся за формирование и снаряжение гвардейского эскадрона. Сохранились списки первых гвардейцев из крымских татар; все нижние чины были ростом “выше восьми вершков”. Многие, особенно унтер-офицеры, были кавалерами Отечественной войны 1812 года. Эскадрон был обмундирован в куртки и шаровары синего сукна (повседневная форма). Парадная форма представляла собой куртку красного сукна с 4-мя газырями на груди, кругом обшитыми желтым гвардейским басоном, у офицеров – галуном. Кивера были “старо-мурзацкого образца шапок”, также обшитые вдоль и поперек басоном, у офицеров – галуном. Солдаты были вооружены пикой, саблей и пистолетом [4, с. 14-15].

При формировании эскадрона, в выборе людей и лошадей самым живым и энергичным помощником генерал-майора Балатукова был корнет Мурад мурза Аргинский. Сам же Кая бей с отправкой эскадрона в Петербург (по данным И. М. Муфтизаде), вскоре заболел и умер в октябре 1827 года и был похоронен в родовом имении Каралез [4, с. 15]. Впрочем, архивные документы опровергают данные И. М. Муфтизаде относительно смерти Кая бея именно в октябре месяце. В обнаруженном нами деле о формировании лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона [5] говорится о смерти Балатукова не в октябре (как писал И. М. Муфтизаде), а в сентябре 1827 года [5, л. 2], [5, л. 3].

Совсем недавно в филологической науке появилась версия о том, что Кая бей Балатуков мог подсказать великому русскому поэту А. С. Пушкину сюжет знаменитого “Бахчисарайского фонтана” [6, с. 81-82].

В именном указе, объявленном в приказе Начальника Главного Штаба от 20 июля 1827 г. “о именовании сформированного из татар эскадрона Лейб-Гвардии Крымско-Татарским” говорится: “...Государь Император Высочайше повелеть соизволил: сформированному из татар Крымскаго полуострова эскадрону именоваться Лейб-Гвардии Крымско-Татарским эскадроном, коего части, имеющей находиться в С. -Петербурге, состоять при Лейб-Гвардии казачьем полку...” [7; 8, с. 142].

В выборке из “Высочайшего приказа” 26 июля 1827 г. в Спасском Полистье говорится: “Лейб-Гвардии Крымско-Татарскаго эскадрона обер-офицерам предоставляются права и преимущества, присвоенные полкам старой гвардии” [8, с. 143].

Достаточно важным документом в этом контексте представляется Отношение из Управления Новороссийского Генерал-Губернатора и Полномочного Наместника Бессарабской области на имя Управляющего Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью от 6 февраля 1828 г. (под № 657) [9, л. 20-29 (об.)].

2. История лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона и команды лейб-гвардии крымских татар “Собственного Его Величества” конвоя.

Первая очередь двух третей эскадрона выступила из Симферополя 20 апреля 1827 года под командованием героя Отечественной войны 1812 года полковника Адиль бей князя Болатукова. По приходе в Петербург эскадрон поступил в состав лейб-гвардии сводно-казачьего полка и был расположен “по обывательским квартирам” по Лиговке на Ямской [10, с. 26-27]. Из рапорта Днепровского земского исправника Товстоногова видно, что эскадрон, следовавший в Петербург, проходил Днепровский уезд 1-4 мая, а “при ночлегах его и на растахе от воинских чинов обид и притеснений производимо не было...” [9, л. 1], что свидетельствует о высоком уровне дисциплины крымскотатарских гвардейцев русской армии.

Через год, 16 марта 1828 года, “Высочайшим приказом” командир эскадрона подполковник князь Болатуков, по болезни отчислен и возвращен в Крым, а на его место назначен командиром полковник Амет бей князь Хункалов [10, с. 27].

В то же время началась очередная русско-турецкая война. Лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон под командованием ротмистра Биярсланова (в составе лейб-гвардии сводно-казачьего полка), выступил из Петербурга к границе Османской империи. Перейдя Дунай и крепость Исакчи (в конвое гвардейского штаба) прошел берегом Чёрного моря к крепости Кюстенджи-Мангалия, далее к крепости Варна; участвовал при её осаде и взятии, за что “вместе с лейб-гвардии сводно-казачьим полком заслужили серебряные трубы”, а несколько нижних чинов получили знаки отличия военного ордена. С окончанием войны 7 октября 1829 года лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон вместе с гвардейским корпусом вернулся в Петербург под командованием командира эскадрона полковника князя Хункалова, принявшего эскадрон за Дунаем в 1828 году [10, с. 27].

В “Высочайшем представлении” об участии Амет бей князя Хункалова в русско-турецкой войне 1828-1829 годов говорится более конкретно об участии его в войне [11, л. 3-9 (об.); 3, с. 23].

В работе “Крымские татары под русскими знаменами” [12] Г. С. Габаев отмечает, что в ходе войны лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон “частью находился при главной квартире Его Величества” [12, с. 13], подчеркивая тем самым факт особого расположения и доверия русского императора к крымским татарам в лице офицеров и солдат гвардейского эскадрона, которые представляли здесь свой народ.

Впрочем, российская администрация всё время задумывалась над тем, как привлекать крымских татар к военной службе помимо собственно крымскотатарских частей.

Весьма показательным в этом отношении является обнаруженный нами в Государственном архиве Одесской области рапорт Таврического гражданского губернатора, действительного статского советника А. И. Казначеева на имя “исправляющего должность” Новороссийского и

Бессарабского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Красовского от 2 апреля 1831 года [13, л. 59-59 (об.)], где А. И. Казначеев акцентирует внимание на следующих моментах: 1) на добровольном желании крымских татар служить под знаменами русской армии; 2) на необходимости законодательного “изъятия”, по которому крымские татары могли вступать в военную службу (на добровольной основе), невзирая на конфессиональную принадлежность.

Данное мнение одного из умнейших губернаторов Тавриды, о котором недавно вышла первая отдельная работа [14], представляется нам очень интересным и заслуживающим внимания.

Особенно показательна национально-конфессиональная толерантность Таврического гражданского губернатора А. И. Казначеева.

Весьма показательными в этом отношении представляются обнаруженные нами в фондах крупнейшего архивохранилища Отечественной военной истории – Российского государственного военно-исторического архива дела – “Переписка об увольнении в отпуск солдат магометан в дни магометанских религиозных праздников (1831 г.)” [15], а также “Дело о 2-х солдатах, бежавших из крымско-татарского эскадрона и изъявивших желание перейти из мусульманства в православие (25 марта 1831 – 25 апреля 1831 г.)” [16].

Среди крупных административных деятелей Российской империи, благожелательно настроенных к крымским татарам, которому пришлось также рассматривать вопросы, связанные с их военной службой, был М. С. Воронцов.

В отношении татарского населения М. С. Воронцов считал необходимым “поддерживать к утверждению в крымских татарах расположения вести мирную жизнь и заниматься сельским хозяйством” [17, с. 18]. Данное заявление генерал-губернатора было вызвано его несогласием с мнением правительства о целесообразности привлечения татар к военной службе [18, с. 75].

Достаточно интересны для нас некоторые документы, обнаруженные в фонде Таврического магометанского духовного правления (ф. 315) Государственного архива при Совете министров Автономной Республики Крым, где упоминаются также имена некоторых крымскотатарских офицеров [19], [19, л. 2], [19, л. 6-6 (об.)], [20], [21], [22], [23], [24].

Очень важным комплексом документов в деле изучения военной службы крымских татар под знаменами русской армии является “Дело об освобождении от податей семейств нижних чинов лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона” (20 июля 1833 – 1837 год)” [25].

Весьма показательна здесь отношение Таврического гражданского губернатора А. И. Казначеева Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору от 19 января 1833 г. (под № 451), в котором А. И. Казначеев полагает, что “нижние чины, поступившие в Эскадрон, должны быть освобождены от всех повинностей как во время службы, так и по выслуге определенного 15-ти летнего времени...” [25, л. 1].

Копия с представления Таврической Казенной Экспедиции в Департамент Разных Податей и сборов 31 июля 1833 года (№ 6603) свидетельствует: "... поступивших на службу Лейб Гвардии в Крымский Татарский Эскадрон татар поселян, кои поступили в оный за себя и свои семейства, с начала будущего 1834 года из оклада с податями и повинностями равно таковыми с поступления на службу исключить" [25, л. 20 (об.) – 21].

Очень важным для нас также является "Дело Управления Новороссийского и Бессарабского Генерал-губернатора по 2-му столу Дежурства о Лейб-Гвардии Крымско-Татарском эскадроне [1835-1836г.]" [26].

23 января 1835 года из Управления Новороссийского и Бессарабского Генерал-губернатора на имя Таврического гражданского губернатора последовало отношение, в котором А. И. Казначеева просят доставить "сколь возможно поспешнее его мнение относительно лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона" [26, л. 1].

А. И. Казначеев в отношении на имя Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора от 25 февраля 1835 года (под № 235) изложил своё мнение [26, л. 9-12].

Данное мнение Таврического гражданского губернатора А. И. Казначеева было, таким образом, весьма показательным и актуальным. Высказанные им мысли были несомненно учтены вышестоящим начальством империи.

Тот факт, что вышестоящее начальство действительно интересовалось положением дел в частности и в крымскотатарском эскадроне, свидетельствует обнаруженная нами в фондах крупнейшего архивохранилища Отечественной военной истории – Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) "Переписка о доставлении сведений императору о гвардейских войсках расположенных в столице (16-28 ноября 1828 г.)" [27].

О заботе, которую проявляло русское командование в отношении неправославных солдат империи свидетельствует также "Переписка об увольнении в отпуск солдат магометан в дни магометанских религиозных праздников (28 февраля – 1 марта 1831 г.)" [28].

Представление о том, как происходил процесс вооружения гвардейских войск (в том числе и гвардейских крымскотатарских частей) можно получить, изучив следующие архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива: "Переписка с управляющим Военным министерством, командиром лейб-гвардии Казачьего полка и командиром Сестрорецкого оружейного завода об изготовлении пик и заготовке к ним древок (23 сентября 1822 - 5 января 1826 г.)" [29], "Переписка с инспекторским департаментом, начальником штаба Гвардейского корпуса, инспектором местных арсеналов и правлением Сестрорецкого оружейного завода об отпуске оружейных принадлежностей лейб-гвардии Казачьему полку (18 августа 1830 – 24 января 1831 г.)" [30], "Переписка с Канцелярией Военного министерства, Инспекторским департаментом, инспектором и командирами местных арсеналов об отпуске и перевозке оружия для

вооружения гвардейских кавалерийских дивизионов (26 февраля 1848 – 19 января 1852 г.)” [31].

Последнее дело, судя по его обширному объему (442 листа), свидетельствует об активной подготовке к предстоящей очередной войне – Восточной (или Крымской), ведь два предыдущие дела по объему (а следовательно по активности делопроизводства) гораздо меньше.

И действительно, новая война не заставила себя ждать.

С началом Восточной (Крымской) войны в 1853 году лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон, находившийся в Петербурге под командованием полковника Батыр Челеби Муфтизаде (в будущем генерал-майора, отца первого историка военной службы крымских татар под русскими знаменами И. М. Муфтизаде – М. М.), был выдвинут в крепость Кронштадт и все время был занят охраной берегов Балтийского моря [10, с. 27], обеспечивая тем самым охрану весьма важного в стратегическом и геополитическом отношении региона.

Надо сказать, что за отличие в Крымской войне Батыр Челеби Муфтизаде имел бронзовую медаль на Андреевской ленте, а после окончания военных действий 26 августа 1856 г. получил орден св. Станислава 2 степени [32, л. 218].

“Льготная” же часть лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, под командованием ротмистра Омер бея Болатукова, принимала участие в героической обороне Севастополя и участвовала в боевых действиях на Черной речке в отряде генерал-лейтенанта Рыжова. В ночь на 25 сентября регулярная кавалерия, переправившись через Черную речку, подымалась на Федюхины высоты. Шедший впереди Лейхтенбергских гусар гвардейский крымскотатарский эскадрон атаковал неприятельские аванпосты, отбросил их и захватил в плен разъезды английских драгун (одного офицера и пять нижних чинов). За этот подвиг, из рук “светлейшего князя” Меншикова, получили знаки отличия военного ордена унтер-офицер Сеитша Балов, и рядовые Селим Абульхаиров и Молладжан Ахметов. На донесение князя Меншикова об этом российский император Николай I в своем ответном письме князю (3 октября) сказал: “Рад, что гвардейские татары имели случай показать себя, и ты хорошо сделал, что наградил их” [33, с. 35; 10, с. 27-28]. Такое внимание со стороны самого царя действительно примечательно, а крымские татары вправе гордиться этим.

В. П. Петров написал по поводу участия лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона в Крымской войне следующее: “... Одна треть команды численностью до эскадрона размещалась в Петербурге и несла конвойную службу, сопровождая выезды царской фамилии, а две трети составляли запасную часть, стоявшую в Бахчисарае. Этим запасным эскадронам довелось участвовать в обороне Севастополя в 1854-1855 гг. и быть отмеченными за удаль, проявленную в бою у Федюхиных высот”. [34, с. 43].

Полковник Г. А. Бако по поводу событий 1854-1855 годов отмечал: “Лейб-Гвардии Крымско-Татарский эскадрон несет кордонную службу на Балтийском побережье, а льготная его часть, входя в состав Крымской Армии,

участвует в бою на Черной речке и отличается у Федюхинских Высот и у Балаклавы 25-го октября 1854 года” [35].

Особенно показателен в этом отношении бой под Балаклавой. Не случайно современная российская исследовательница истории русской кавалерии А. И. Бегунова посвятила этому событию специальную главу “Атака под Балаклавой” [36, с. 172-181].

По свидетельству В. Г. Шавшина, блестящая атака дорого обошлась Англии. Из 700 кавалеристов возвратились чуть более 200, около 400 было убито, 60 ранено, 22 взято в плен. Сами англичане назвали долину под Балаклавой “долиной смерти” [37, с. 74]. То, что крымские татары были причастны к эпохальной атаке русской кавалерии, вошедшей в анналы мировой истории, факт весьма примечательный.

Очевидно, что отнюдь не случайно в фольклоре крымских татар появилась песня “Севастополь огюнде”, посвященная событиям Крымской войны, в числе которых особое место занимает героическая оборона Севастополя [38, с. 306].

После того, как отгремела Восточная война, лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон продолжал свою мирную службу в Петербурге, исполняя все возложенные на него обязанности службы наравне с элитными гвардейскими частями Донского, Черноморского и Уральского казачьих войск [10, с. 28].

В 1846 г. была завершена постройка трехэтажного здания на Обводном канале в ряду казачьих казарм для помещения эскадрона на счет сбора с крымских татар стоимостью более 700 тысяч рублей. В верхнем этаже были квартиры для командира эскадрона, для муллы и большая роскошная зала под мечеть, стены которой, михраб и кафедры для проповеди и чтения кутбе были выкрашены белой масляной краской с золотым ободком и украшениями карниза; весь пол был устлан толстым белым сукном. С окончанием постройки эскадрон был переведен в эти новые казармы и находился там до 15 мая 1864 г. В этом году последовало распоряжение о расформировании эскадрона; казармы же были переданы Донскому войску и заняты гвардейской казачьей батареей [10, с. 28].

И. М. Муфтизаде приводит список командиров лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона с 1826 по 1864 год [10, с. 29-30].

Впрочем, надо отметить, что в первой своей работе И.М. Муфтизаде привел несколько другие данные относительно сроков службы командиров лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона [4, с. 17].

Для нас также интересен список обер-офицеров, служивших в 1826-1864 гг. в эскадроне крымскотатарских гвардейцев [10, с. 31-35].

1863 год стал этапным в истории военной службы крымских татар под русскими знаменами: в этом году последовало “Высочайшее повеление”: с 1 мая 1864 года лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон из состава гвардейского корпуса исключить, выбрав из него 3-х офицеров, 21 нижних чинов, с причислением их в собственный “Его Величества” конвой с

именованием: “команда лейб-гвардии крымских татар собственного Его Величества конвоя” [10, с. 36].

Документ от 26 мая 1863 года – “Именной указ, объявленный в приказе Военного Министерства. – О упразднении Лейб-Гвардии Крымско-Татарского эскадрона при гвардейском корпусе и сформировании из татар, остающихся в Крыму, особой команды Лейб-Гвардии Крымских татар, зачисляемой Лейб-Гвардии в Кавказский казачий эскадрон Его Императорского Величества Конвоя” [39; 8, с. 143-144], включает в себя 8 пунктов, а именно:

1) упразднение лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, состоявшего при гвардейском корпусе;

2) “в замене” эскадрона, содержание из татар, остающихся в Крыму, в составе “Его Императорского Величества Конвоя”, особой команды лейб-гвардии крымских татар (по прилагаемому положению и штату), с причислением этой команды к лейб-гвардии Кавказскому казачьему эскадрону (“сверх комплекта”), не изменяя штатного числа нижних чинов, присылаемых с Кавказа;

3) разделение команды на три смены и присылка в Петербург по 7 человек через каждые два года (по примеру трех смен лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона);

4) при этих трех сменах было необходимо иметь по одному офицеру “из крымских же татарских фамилий” и из числа 7 человек и чинов по одному унтер-офицеру;

5) чинам лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, которые должны были поступить в Кавказский казачий эскадрон “Собственного Его Величества Конвоя”, надлежало сохранить прежнюю форму обмундирования, но вооружение иметь уже казачьего образца (вместо пик – ружья);

6) содержание команды было решено “отнести на источники, означенные в Положении”;

7) в 1864 году “надлежало произвести” переформирование лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона (с наступлением весеннего времени, именно к 1 мая), и тогда уже прежний лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон исключить из состава отдельного гвардейского корпуса;

8) изменить, “согласно прилагаемому проекту”, одну из статей Свода Военных Постановлений.

Таким образом, вышеозначенная команда крымских татар была разделена на три смены: одна служила в Петербурге в составе лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона, вместе с кубанцами и терцами, а две смены, т. е. два офицера и 14 нижних чинов, находились “на льготе” в Крыму, - по очереди сменяясь через каждые три года [10, с. 36].

Таким образом, период службы крымских татар в составе гвардейского эскадрона завершился.

Он был очень важным эпизодом в истории военной службы крымских татар под знаменами русской армии. Пройдя через горнило двух крупных войн – русско-турецкой 1828-1829 гг. и Крымской – эскадрон показал себя с самой

лучшей стороны; гвардейцы крымскотатарского населения Тавриды ещё раз оправдали возложенное на них доверие и по праву заслужили быть отмеченными многочисленными наградами и почестями. Не случайно многие офицеры эскадрона станут впоследствии весьма уважаемыми среди многонационального дворянства Российской империи. Опыт службы лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона стал ещё одним важным шагом в процессе интеграции крымских татар в единое устойчивое общество Российской империи.

Завершающим аккордом гвардейской службы крымских татар в русской императорской гвардии стала история команды крымских татар “Собственного Его Величества” Конвоя.

И. М. Муфтизаде писал по этому поводу: “В виду значительного выселения татар из Крыма в 1860-1861 годах и тяжести содержания и комплектования эскадрона из остающегося небольшого числа татар, Высочайшею милостью повелено было в 1863 году с 1-го мая 1864 года лейб-гвардии крымско-татарский эскадрон из состава гвардейского корпуса исключить, выбрав из него 3-х офицеров и 21 нижних чинов, с причислением их в Собственный Его Величества конвой, с именовани^{ем} “команда лейб-гвардии крымских татар Собственного Его Величества конвоя”. [4, с. 17].

Эта команда была разделена на три смены; одна служила в Петербурге в составе лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона, вместе с кубанцами и терцами, а две смены, т. е. 2 офицера и 14 человек нижних чинов, находились “на льготе” в Крыму, по очереди сменяясь через каждые два года. По выслуге 12-ти летнего срока службы чинами бывшего лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, команда эта до 1880 года комплектовалась из “охотников” крымских татар по выбору офицера смены. С 1880 года в императорский конвой поступали люди из Крымского дивизиона и офицера смены. Форма одежды команды была почти та же, что и в бывшем лейб-гвардии крымскотатарском эскадроне. Только мундиры были длиннее, рукава шире и на груди по пяти газырей. Вместо киверов чины команды носили татарские шапки из чёрной смушки. Вооружение было следующим: кавказское ружьё, шашка, кинжал и пистолет. [4, с. 17-18].

Примечательно, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. две льготные команды лейб-гвардии крымских татар Собственного Его Величества конвоя вместе с “льготными эскадронами” находились в действующей армии за Дунаем, при главной императорской квартире и принимали участие во взятии Горного Дубняка, Ловчи и Плевны. Из 14 человек нижних чинов 5 удостоились получить знаки отличия военного ордена, а поручик Бектемир мурза Абдураманчиков и корнет Али бей Балатуков за военные отличия были произведены в следующие чины, награждены орденом Св. Анны 4 степени с надписью “за храбрость”, а также удостоились “Высочайшего подарка” из рук императора – именной шашки кавказского образца в серебряной оправе.

16 октября 1878 года государственным Советом был отменен семнадцатикопеечный сбор с крымских татар на содержание команды Конвоя,

а остаток с капитала, более 400 тысяч, передан в смету военного министерства сверх его нормального бюджета.

В 1890 году, 16 мая, команда лейб-гвардии крымских татар, состоявшая при Кавказском казачьем эскадроне Собственного Его Величества Конвоя, исключена и гвардейская служба крымских татар завершилась [4, с. 18-19].

Очень важен приведенный И. М. Муфтизаде список офицеров из крымских татар, “имевших счастье служить” в Собственном Его Величества Конвое с 1 мая 1864 по 16 мая 1890 года [4, с.19].

Принципиально же новый этап военной службы крымских татар в русской армии наступил в 1874 г. после введения всеобщей воинской повинности.

Таким образом, относительно военной службы крымских татар в русской армии в период с 1827 по 1874 год можно сделать следующие выводы:

1) вышеуказанный период принципиально важен для нас потому, что он завершается особенно важным событием для всего времени истории военной службы крымских татар в русской армии – введением в 1874 году всеобщей воинской повинности;

2) данный период продолжает традицию существования крымскотатарских формирований в русской армии и одновременно является инновационным в процессе военно-исторического аспекта интеграции крымских татар в единое устойчивое общество Российской империи, поскольку подготавливает события 1874 года;

3) с 1827 года открывается очень важная страница крымскотатарской военной истории, связанная со службой крымских татар в гвардейских формированиях русской армии; служба в гвардии всегда была в почёте, а тот факт, что крымские татары служили именно в гвардии, говорит о степени доверия и уважения высших эшелонов российской власти к крымским татарам;

4) период службы крымских татар в русской армии с 1827 по 1874 год ещё раз доказал единство интересов крымскотатарского и русского дворянства на пути дальнейшего их сближения в общероссийских масштабах; любой крымскотатарский дворянин считал за честь пройти через горнило испытаний и лишений военной службы в одной из сильнейших армий мира, какой является русская армия, победные традиции и авторитет которой непререкаем;

5) тот факт, что лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. находился при главной императорской квартире, так же как и команда крымских татар Собственного Величества Конвоя в русско-турецкую войну 1877-1878 гг., говорит о факте особого расположения и доверия русского императора к крымским татарам;

6) российская администрация в указанный период времени все время задумывалась над тем, как привлечь крымских татар к военной службе помимо их добровольного участия в собственных крымскотатарских частях; о заботе местной администрации относительно крымских татар свидетельствуют, в частности, льготы, предоставленные семьям чинов лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона;

7) период военной службы крымских татар в составе лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона был очень важным эпизодом военной службы крымских татар под знаменами русской армии; пройдя через горнило двух войн – русско-турецкой 1828-1829 гг. и Крымской – эскадрон показал себя с самой лучшей стороны; гвардейцы татарского населения Тавриды ещё раз оправдали возложенное на них доверие и по праву заслужили быть отмеченными многочисленными наградами и почестями; не случайно многие офицеры эскадрона станут впоследствии весьма уважаемыми среди многонационального дворянства Российской империи; опыт службы лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона стал ещё одним важным шагом в процессе интеграции крымских татар в единое устойчивое общество Российской империи; весьма значительным моментом была также служба крымских татар в императорском конвое; несмотря на то, что Команда крымских татар Собственного Его Величества Конвоя была, по сути дела, игрушечной частью, своеобразным декоративным воинским формированием, тем не менее приближенность к особе русского императора говорит о многом;

8) принципиально же новый этап военной службы крымских татар в русской армии наступил в 1874 году после введения всеобщей воинской повинности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Масаев М. В. К вопросу о службе крымских татар в вооруженных силах Российской империи // Культура народов Причерноморья. – 1997. - №2.
2. Масаев М. В. Крымскотатарские формирования в войнах против наполеоновской Франции // Культура народов Причерноморья. – 1999. - №6.
3. Масаев М. В. Крымскотатарские генералы (Кая бей Балатуков и Ахмет бей Хункалов): исторические портреты // Доля. – 1999. - №1 (8).
4. Муфтизаде И. М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам). - Симферополь: Таврическая губернская типография, 1899. (оттиск из №30-го ИТУАК).
5. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 5848, л. 1-345.
6. Андрейко Е. В. А. С. Пушкин в Симферополе // Культура народов Причерноморья. – 1998. - №3.
7. ПСЗ. – Собрание 2-е. – т. 2. - № 1258.
8. Габаев Г. С. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар в рядах войсковых частей, предков нынешнего Крымского конного Её Величества Государыни императрицы Александры Феодоровны полка // ИТУАК. – Симферополь, 1914. - №51.
9. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 5848.
10. Муфтизаде И. М. Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 – 1904 г. (по архивным материалам). – Симферополь, 1905.
11. ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 5802.
12. Габаев Г. С. Крымские татары под русскими знаменами (краткая справка). – СПб., 1913.
13. ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 35.

14. Шарапа В.Ф., Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья. – 1997. - №2.
15. РГВИА, ф. 333, оп. 1, д. 5, л. 1-8.
16. РГВИА, ф. 333, оп. 1, д. 34, л. 1-9.
17. Авалиани С. Л. Граф М. С. Воронцов и крестьянский вопрос. – Одесса, 1914.
18. Захарова О. Ю. Генералы своих судеб. М. С. Воронцов – генерал-губернатор Новороссийского края. – М. , 1988.
19. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 86, л. 1-149.
19. Там же.
19. Там же.
20. Там же, д. 108, л. 1-21.
21. Там же, д. 111, л. 1-63.
22. Там же, д. 136, л. 1-55.
23. Там же, д. 834, л. 1-18.
24. Там же, д. 1382, л. 1-3.
25. ГАОО, ф. 1, оп. 218, д. 9, л. 1-86.
26. ГАОО, ф. 1, оп. 218, д. 6, л. 1-88.
27. РГВИА, ф. 16244, оп. 1, д. 63.
28. РГВИА, ф. 333, оп. 1, д. 5.
29. РГВИА, ф. 503, оп. 5, д. 195, л. 1-175.
30. РГВИА, ф. 503, оп. 5, д. 474, л. 1-35.
31. РГВИА, ф. 503, оп. 5, д. 591, л. 1-442.
32. ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 6846.
33. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны. – СПб. , 1900. – т. 2.
34. Петров В. П. Из истории крымскотатарских воинских формирований в составе русской армии в конце 18 – начале 20 вв. // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф. (23-28 сент.) / СМ КАССР. СГУ им. М. В. Фрунзе. – Симферополь: Редотдел Крым. упр. по печати, 1991. – Вып. 2.
35. Бако Г. А. Крымский Конный Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк и полуторавековая служба Татар Крыма Державе Российской 1784-1934 гг. Юбилейная справка. – Париж: Типография Эмпримери-Паскаль, 1934 (ксерокопия этой работы была привезена в Крым из Стамбула одним из наиболее перспективных крымских историков Д. Ю. Золотарёвым, которому автор приносит благодарность за возможность ознакомления с её содержанием – М. М.).
36. Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской кавалерии. – М. : Мол. гвардия, 1992.
37. Шавшин В. Г. Балаклава. – Симферополь: Таврия, 1994.
38. Къырымтатарлар халк йырлары / Топлагъан ве тертип эткенлер Ильяс Бахшыш, Эдем Налбандов. – Акъмесджит: “Таврия” нешрияты, 1996.
39. ПСЗ, Собр. 2-е, т. 34, № 39667.

АННОТАЦИЯ

В статье впервые в историко-краеведческой литературе рассмотрен вопрос истории военной службы крымских татар в русской армии в период с 1827 по 1874 гг. Введён в научный оборот целый пласт новых документов и малоизвестной литературы. Сделаны принципиально новые выводы.

SUMMARY

In the article for the first time in history and local-lore literature deals with the question of history of the Crimean tartars military service in the Russian army in the period from 1827 till 1874. The whole layer of the new documents and little known literature are introduced into the scientific traffic. The principally new conclusions have been made.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масаев Михаил Владимирович, аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Президент Симферопольской Ассоциации символогов. Член Ассоциации международного права.

